

КОНТЕКСТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РЕГИОНАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИЕЙ В ИСТОРИИ СЛОВЕНЦЕВ

Б. Пепе

Университет в Любляне (Словения)

Как региональная, так и национальная идентификация словенцев оформилась во времена Австро-Венгерской монархии. До конца XIX столетия словенцы считали себя жителями регионов, исторически сложившихся в средние века. Прежде всего они определяли себя как крайнцы, штайерцы, корошцы и истраны, но на наднациональном уровне их воспринимали как лояльных гражданам монархии Габсбургов. В национальной программе 1848 г. словенцы также не шли дальше требований автономии, использования словенского языка в школах и государственных учреждениях и открытия собственного университета.

Часть словенских интеллектуалов считали, что словенцы должны придерживаться немецкой культуры, как более развитой, принадлежащей более сильной нации¹. Такое убеждение называли «немшкитарством» – преклонением перед немецким языком и культурой. В конце XIX в. преобладала идея «триализма». Сущность этой идеи состояла в разделении Австро-Венгрии на три части: немецкую (австрийские немцы), венгерскую и южнославянскую, которая включала бы словенцев, хорватов (и те и другие главным образом католики) и сербов (православные). Этой идее противились как австрийские немцы, так и венгры, и она не была реализована.

С падением монархии Габсбургов и распадом империи словенцы были включены в новое Югославское королевство, и перед ними встала дилемма: или сохранить язык и национальность, или стать частью единой «югославской» нации. Язык и национальную идентич-

ность сохранили, и даже удалось получить своего рода неформальную культурную автономию². В социалистической Югославии положение словенцев как нации значительно улучшилось. Каждая нация, вошедшая в состав Югославии, получила республику с парламентом и правительством; во всех послевоенных югославских конституциях было гарантировано право на самоопределение, включая отделение. До середины 80-х гг. XX в. серьезных намерений реализовать это право не было. Появление их стимулировал югославский экономический, национальный и политический кризис. Кроме того, в Югославии прежний страх перед немцами и итальянцами постепенно исчез, но словенцы почувствовали угрозу со стороны сербов³.

Сегодня у словенцев помимо национальной идентификации отмечается и региональная. При этом считается, что прекмурцы (*за рекой Мурой* – словенцы, живущие на левом берегу реки Муры), жители восточной части Словении, которые веками входили в венгерскую часть империи, имеют «другой», наиболее отличный от наречий основной части населения центральной Словении, язык, другие обычаи и традиции⁴. Осознание наднациональной, европейской идентичности все еще незначительно и не имеет глубокого содержания.

Предложенное описание исторического развития, принимаемое большинством историографов, часто вступает в противоречие с мифами и идейно-политическими интерпретациями. Таков, например, миф о происхождении словенцев, который основан на убеждении в

том, что словенцы как единый народ – исконное население территории, на которой сегодня они проживают, и что словенский язык и письменность также существовали изначально. Среди гипотез о происхождении словенцев от этрусков, иллирийцев или венетов наиболее популярной считается так называемая венетская теория. Другой миф говорит о национальной идентификации словенцев начиная с VI в., затем об утрате государства Карантании и постоянной тоске о нем (часть изысканий в этой области послужила основанием, например, для предложения ввести в герб Республики Словения карантанскую пантеру, как считает Ё. Шавли, «символ каждого словенца»)⁵. Красной нитью через эту историю проходит мысль о том, что славяне (в мифическом варианте – словенцы) в качестве аварских подданных переселились на территорию современной Словении в конце VI в. Со временем им удалось стать самостоятельными и создать собственное государство, которое просуществовало до завоевания этих земель немцами, а под немецким подданством они оставались до Первой мировой войны («Корошка – колыбель словенства» – осталась навсегда).

Мифология такого рода в целом характерна для всех средневропейских (а также других) народов, имевших (или считавших, что имели) в раннем средневековье некоторую форму государственности, со временем утраченную (хотя национальность в то время не играла никакой роли). В действительности же идентификация населения «была иной». Население, проживавшее к северу от Караванок, считало себя карантанцами – этим именем их называли баварские и лангобардские соседи, в то время как жители к югу от Караванок именовались карниольцами. Оба народа, по мнению П. Штиха, были славянскими, но не словенскими⁶. Исследователь полагает, что карантанцев «сделал» словенцами только Линхард (существительное «словенцы» впервые отмечено в 1550 г. в «Кате-

хизисе» П. Трубаря, а наименование «Словения» впервые появляется в стихотворении Йована Весела Косеского в 1844 г.), говорить же о словенцах в раннем средневековье «означает не что иное, как национализацию истории назад, что в свою очередь означает создание мнимой картины национальной истории еще до того, как она началась»⁷. И вообще для словенцев, как мы уже указывали, до конца XIX в. более актуальной была региональная идентификация. Хотя в действительности карантанцев словенцы (и в языковом смысле) могут считать своими предками, но не единственными.

Отдельный миф связан с самым сильным феодальным родом – графами Цельскими (три звезды с их герба размещены на гербе Республики Словения, а также были представлены на гербе Королевства Югославия)⁸. Род Цельских считается по происхождению словенским, Цельское княжество – словенским средневековым государством. Герман Цельский на своих владениях в Боснии и Славонии «основал могущественное югославское государство», как полагал писатель XIX в. Я. Трдина. Если бы род Цельских не пресекался, то под его руководством на юге родовых земель, по мнению К. Верстовшека, жили бы исключительно южные славяне. В. Хабьян видел в исчезновении княжеского рода потерю общественной связи и возможного создателя словенского государства, на роль которого долгое время никто не мог претендовать⁹.

Самым «сильным» мифом, противоречащим историческим фактам о словенцах, идентифицирующих себя по региональному признаку вплоть до XX в., и создающим словенскую нацию задним числом, является миф о постоянном народном движении. В основе мифа лежит убеждение в том, что словенцы всегда тяготели к своему государству и что это тяготение они впервые документально подтвердили в «Программе объединенной Словении» в 1848 г., а затем в раз-

ных исторических ситуациях пытались эту программу реализовать, но удалось это лишь в 1991 г. В действительности за созданием программы стояли немногочисленные интеллектуалы, основным требованием же ее было не образование самостоятельного государства, а лишь объединение всех словенцев в самоуправляемую единицу с собственным парламентом. И триалистическая программа не предполагала создания самостоятельного словенского государства (чего, например, добивались чехи).

Словенская государственность нашла выражение (даже с элементами международного признания), по мнению некоторых авторов, в просуществовавшем один месяц в 1918 г. Государстве словенцев, хорватов и сербов (ГСХС) со столицей в Загребе. В нем словенцы имели свое правительство, но не смогли создать парламент. Государство СХС как выражение словенской государственности упоминается только начиная с 70-х годов XX в., причем наиболее часто после объявления об образовании суверенной Республики Словения (1991) со ссылкой на признание «словенской независимости в 1918 г.»¹⁰.

В межвоенный период словенцы в своих политических программах не шли дальше требования автономии. В годы Второй мировой войны два антагонистических лагеря (партизаны и те, кто противостоял партизанам) имели одинаковые программы создания объединенной Словении (в границах Федеративной Югославии). Активно боролась за единую Словению только партизанская сторона, добившаяся изменения западной границы. Верно также, что у эмигрантских политиков были дипломатические попытки реализовать идею объединенной Словении. Вопрос о том, где должны были проходить ее границы, оставался нерешенным. Его решение зависело от многих факторов, прежде всего от международных (например, от решения союзников восстановить Австрию в границах, существовавших до Аншлюса, а

также от благосклонности Италии и, по мнению некоторых историков, от коммунистического направления национально-освободительного движения).

Несмотря на продолжавшуюся войну, появлялись идеалистические программы, предполагавшие проведение границ Словении по Высоким Турам и в окрестностях Тильмента с учетом состояния рубежей национальных поселений, т.е. до ассимиляции словенцев Австрией и Италией. Участники национально-освободительного движения тоже хотели сделать из «народа батраков» «народ героев» (образ народа батраков был заимствован из произведений всех наиболее важных словенских писателей, от Прешерна до Цанкаря) и трансформировать национальный характер, что стало даже пунктом программы Освободительного фронта. Национальная программа словенцев в социалистической Югославии до второй половины 1980-х гг. предусматривала федеративный или конфедеративный статус словенцев, а Югославия представлялась надежным пристанищем, охранявшим словенцев от самых худших национальных врагов – немцев и итальянцев¹¹.

Полемика о национальном подъеме достигла апогея в профессиональных кругах сразу после обретения Словенией независимости, в 1992 г. После парламентских выборов 2004 г., когда победила правоцентристская коалиция, эта полемика возобновилась. В этом, конечно, есть определенная политическая коннотация, ведь считается, что «пик» национального подъема и истории вообще – обретение независимости, а это все еще приносит много политических дивидендов и представляет собой определенного рода ценностно-морально-политический критерий для высших политических функций. В действительности современные политические партии и политики очень мало связаны с борьбой за независимость. Тем не менее правящий блок так называемых «весенних партий», выступавших в конце 1980-х – начале

1990-х гг. за независимость и демократизацию, пытаются с помощью такого рода мифологии (мифологии своей предполагаемой роли) заработать политический капитал.

Особое отношение формировалось к каждому из государств, в состав которых входили словенцы. Некогда прославленная католическая Австрия с культовым императором Францем Иосифом в годы существования Королевства Югославия изображалась как «тюрьма народов», хотя Австрия позволила словенцам сохранить национальное самосознание, национальную идентичность, экономически развиваться (правда, медленно), научила политической жизни, в том числе парламентаризму. Та же участь постигла и Королевство Югославия, хотя уже во время его существования изжила себя идея об общем сожителстве «трех племен одной нации». Словенцы в Королевстве Югославия получили университет, возможность экономического развития и неформальную культурную, но не политическую автономию. Если не миф, то хотя бы стереотип, выраженный, по мнению А. Корошеца, в словах, «сербы правят, хорваты дискутируют, словенцы платят»¹², воплотился в несколько другом виде в социалистической Югославии, из состава которой словенцы вышли, потому что федерация стала тормозом для их развития, а чувство страха перед немецкими и итальянскими врагами после 70 лет жизни в Югославском государстве притупилось. Самоуправленческий социализм как «наилучшая система в мире» стал «тоталитаризмом», любимый товарищ Тито – диктатором, миф о братстве, единстве и социалистическом патриотизме «разбился вдребезги». Новой мифической, идеализированной целью стала так называемая Европа¹³.

Похожую картину деноминации в разные времена можно наблюдать на примерах личностей, особенно личностей литераторов, которые создали словенское национальное общество. Поли-

тики же, как считает И. Грдина, были в этой ситуации лишь «второй лигой народа». Поэтому современники пытаются этот комплекс преодолеть, особенно в школьной истории, связывая национальное «присвоение» с личностями, которые по происхождению не были словенцами, но были рождены или жили на территории Словении (например, музыкант Я. Галлус или химик Ф. Прегль) либо являлись словенцами, но были индифферентны к своей национальной принадлежности (например, Иоханесс Пух – Johanness Puh – стал в современном изложении Янезом Пухом – Janez Puh).

С появлением словенского государства дилеммы не разрешены. Существование между германским и романским миром обусловило возрождение с конца XIX в. национальной дилеммы, которая в югославском государстве отошла на задний план. Одновременно ставится вопрос о том, ликвидирует ли государство исходя из своих взглядов на культуру как основу идентичности (понятие «словенское хозяйство» уже давно больше не существует) словенское отставание в развитии или его сохранит. Социолог Г. Томц считает, что мы снова сталкиваемся с «казусом Дежмана»¹⁴. «Через поколение или два, – пишет Г. Томц, – начнут появляться молодые люди, которые скажут: “Зачем мне еще дальше “тащить” это словенство, если оно так безнадежно отстает, что в нем не происходит ничего интересного?” Это, конечно, не будет сознательным решением. Просто среди словенцев все больше и больше тех, кто больше не станет стимулировать развитие словенской культуры. Будет наблюдаться своего рода тихая культурная ассимиляция. Ничего радикального не будет происходить, только по сравнению с окружением мы будем недостаточно креативны»¹⁵.

Некритичные и самодовольные словенские политики полагают, что словенцы достигли пика в своей истории с созданием собственного государств и уве-

личением общественного продукта (который главным образом не инновационен и связан лишь со сферой услуг и другой подобной деятельностью) и могут двигаться вперед. Критически настроенные интеллектуалы предупреждают, что путь назад – от гражданина к «дежеляну» (жителю провинции) – так-

же реальный вариант развития, если словенцы будут придерживаться традиции закрытости и сохранения предрассудков и не смогут развить достаточный интеллектуальный потенциал (как в культуре, так и в образовании и науке), чтобы осуществить модернизационные процессы, не откладывая их еще на сто лет.

¹ Slovenska novejša zgodovina 1. del, Instytut za novejšo zgodovino. Ljubljana, 2005.

² Dolenc E. Deavstrizacija v politiki, upravi in kulturi v Sloveniji // Slovensko-avstrijski odnosi v 20. stoletju / ed. Dušan Nečak et. al. Ljubljana, 2004 S. 81–94; Ferenc M., Repe B. Nemška manjšina v Sloveniji med obema vojnama // Ibid. S. 147–161.

³ Repe B. Historical Consequences of the Disintegration of Yugoslavia for Slovene Society // Österreichische Osthefte. 2001. № 43 (1–2). P. 5–26.

⁴ Kerec D. The people of Prekmurje: Slovenes with subtitles // Slovene Studies: Journal of the Society for Slovene Studies. 2008. № 42. P. 265–271.

⁵ Šavli J. Državnost Slovencev: od Karantanije do Avstrije in Slovenije // Družina in dom, neodvisni mesečnik. 1993. № 44. S. 7–10.

⁶ Štih P. Miti in stereotipi v podobi starejše slovenske nacionalne zgodovine // Mitsko in stereotipno v slovenskem pogledu na zgodovino / ed. M. Ferenc in B. Petkovšek. Ljubljana, 2006. S. 25–48.

⁷ Ibid.

⁸ Habjan V. Tri zlate zvezde na modern ščitu simbolično kažejo našo usodo: predlog k izbiranju grba republike Slovenije // Delo. 1990. 20. Nov. S. 11.

⁹ Habjan V. Mejniki slovenske zgodovine // Slovenski izseljenski koledar. 1995. № 42. S. 27–33.

¹⁰ См. например: Prunk J. Slovenski narodni vzpon. Ljubljana, 1992.

¹¹ Repe B. Slovenci v osemdesetih. Ljubljana, 2001.

¹² Perovšek J. Srbi vladajo, Hrvati razpravljajo, Slovenci plačujejo: Mit in resničnost prve Jugoslavije // Časopis za zgodovino in narodopisje. Maribor, 2004. № 75 (2–3). S. 405–427.

¹³ Repe B. Historical Consequences of the Disintegration of Yugoslavia for Slovene Society // Österreichische Osthefte. 2001. № 43 (1–2). P. 5–26; Idem. Gospodarji dveh tretjin Evrope: slovenski miti // Delo. 2003. 30. Okt. 2003.

¹⁴ Дежман К. – политик второй половины XIX в. Он полагал, что словенцы должны перенять немецкую, более сильную, более развитую идентичность, чтобы следовать прогрессу, т.к. сами по себе словенцы слишком слабы.

¹⁵ Mladina. 2007. № 421. 13. Okt. S. 38–42.

Odnos med regionalno in nacionalno identiteto v zgodovini Slovencev

B. Repe

Slovenci so tako regionalno kot nacionalno identiteto oblikovali v obdobju Avstro-ogrske monarhije. Do konca 19. stoletja so se imeli predvsem za prebivalce historičnih dežel, ki so nastale že v srednjem veku. Bili so torej predvsem Kranjci, Štajerci, Korošci ali Istrani, na nadnacionalni ravni pa lojalni državljani Habsburške monarhije. Nacionalni program iz leta 1848 (Združena Slovenija) ni segal čez zahteve po avtonomiji in uporabi lastnega jezika v šolah in uradih ter zahtevi po univerzi. Del slovenskih intelektualcev je menil, da bi morali slediti Nemcem kot močnejšemu in bolj razvitemu narodu. Tako prepričanje je bilo imenovano "nemškutarstvo", to je nagnjenost k nemškemu jeziku in kulturi. Konec 19. stoletja je prevladala ideja o "trilateralizmu", to je delitvi Avstro-Ogrske na tri dele: nemškega (avstrijskega), madžarskega in južnoslovanskega, ki bi vključeval Slovence, Hrvate (oboje so bili pretežno katoličani) in Srbe (pravoslavni). Ideji so nasprotovali tako avstrijski Nemci kot

Madžari in ni bila uresničena. Z razpadom monarhije in vključitvijo v novonastalo jugoslovansko kraljevino so se Slovenci soočili z dilemo, ali naj ohranijo jezik in nacionalnost, ali pa naj postanejo del enega "jugoslovanskega" naroda. Jezik in narodno identiteto so ohranili, uspeli so pridobiti tudi neke vrste neformalno kulturno avtonomijo. V socialistični Jugoslaviji se je njihov nacionalni položaj močno popravil. Dobili so republiko s skupščino in vlado, v vseh povojnih jugoslovanskih ustavah pa je bila zapisana pravica do samoodločbe vključno s pravico do odcepitve. Do sredine osemdesetih let 20. stoletja ni bilo opaznejših zahtev po samostojnosti. Te je spodbudila jugoslovanska ekonomska, nacionalna in politična kriza, poleg tega pa je v Jugoslaviji prejšnji strah pred Nemci in Italijani postopoma izginil, čutili pa so se ogrožene od Srbov.

Danes je pri Slovencih ob nacionalni še vedno zelo močna regionalna identiteta, pri čemer naj bi bili Prekmurci (preko reke Mure), prebivalci vzhodnega dela Slovenije, ki so stoletja živeli v ogrskem delu monarhije, najbolj "drugačni." Nadnacionalna, evropska identiteta je še vedno šibka in brez prave vsebine. V odnosu do nacionalne identitete in nastanka lastne države pa so ne glede na zgodovinske raziskave še vedno zelo močni miti.

Relations between regional and national identifications in the history of Slovenes

B. Repe

The Slovenes have formed both their country and national identity under Austria-Hungary. Until the end of the 19th century they have perceived themselves mainly as residents of historical provinces – Carniolans, Styrians, Carinthians or Istrians and at the supranational level – as loyal subjects of the Habsburg Monarchy. The national program formulated in 1848 did not extend beyond demands for Slovene autonomy and use of the Slovene language.

Some Slovene intellectuals were convinced that Slovenes should follow Germans because they were a higher and better developed nation. But towards the end of the 19th century, however, the idea of "trialism" started to prevail. With the disintegration of Austria-Hungary and inclusion into a newly established Yugoslav state, the Slovenes faced the dilemma of whether to preserve their national identity or instead become a part of the new "Yugoslav" nation. With the formation of an independent state, which was the result of political and social changes of the 1980s, the dilemmas noted above haven't been solved.